«ПОЗОР – МНЕ, А СЛАВА – МОИМ СОЛДАТАМ...»

9 февраля исполняется 210 лет со дня рождения оренбургского губернатора В.А. Перовского

НАТАЛЬЯ РОМАНЕНКО

Оренбург тридцатых-сороковых годов XIX столетия – город-крепость, город-воин и дипломат, был редким в своей исключительности городом. Внешне тихая и «благочинная» жизнь его скрывала сложные и трагичные хитросплетения человеческих судеб...

В середине 1833 года Оренбургским военным губернатором и командующим отдельным Оренбургским корпусом был назначен Василий Алексеевич Перовский. Он, как и его предшественники, стремился упрочить и обезопасить отношения с ханствами Хивинским, Кокандским и Бухарским. Но сделать это было крайне сложно.

28 сентября 1835 года Перовский направляет военному министру графу Чернышеву рапорт «О мерах к прекращению невольничьего торга русскими пленниками в Хиве и Бухаре». Но азиатский комитет, как и предполагал Перовский, посчитал меры слишком решительными и предложил «устроить в Оренбурге человеколюбивый комитет как частное общество, но имеющее в своем распоряжении казенные деньги на выкуп русских невольников». В ответном рапорте военный губернатор выразил категорическое несогласие с этим решением. «Оренбургская пограничная комиссия ежегодно получает из уездного казначейства три тысячи рублей ассигнациями на выкуп пленников, — писал Перовский, — но деньги эти расходятся на подарки кайсакам, которые разными хитростями выручают из Средней Азии пленников наших, потому что в Хиве под угрозой смертной казни воспрещено вывозить русских невольников, даже и тех, которые сами уже откупились или отпущены хозяевами на волю. Пленников в одной Хиве, по достоверным сведениям, свыше двух тысяч человек». Хива приказывала русским и бухарским караванам проходить только через Перовский, принимать самые решительные меры.

18 сентября 1836 года оренбургский военный губернатор посылает хивинскому владельцу письмо-ультиматум, в котором с резкой прямотой требует прекратить «дурные дела и поступки». Этот документ заслуживает того, чтобы остановиться на нем более подробно.

«Первое: Хива содержит пленников русских в большом количестве, а так как войны между Россией и Хивой никогда не было, то и русских не должно находиться в плену. Второе: хивинцы начинают распоряжаться в степи кайсацкой как дома, грабят и притесняют купцов. Третье: ни один купец, как и путник наш, не смеет показаться в Хиву, потому что, нарушая все народные права, хивинцы встречают гостей ножом, ядом или кандалами невольника. Между тем доселе хивинские купцы свободно разъезжают по всему Российскому государству. Итак, если Хива отвечает России враждой, то Россия должна, наконец, применить свои меры. Неужели кто-либо может подумать, что державе в сто крат сильнейшая, Государь, у которого несравненно более воинов, чем жителей в целом ханстве Хивинском, не в силах наказать преступные действия владельца Хивы? Россия не нуждается в торговле с Хивой, но Хива без торговли с Россией обойтись не может».

Но ответом Хивы было продолжение «разбойных мер». Перовский, «лично испросив» у Николая I дозволения, решает начать военный поход в Хиву. Для снаряжения экспедиции из казны было отпущено один миллион шестьсот девяносто восемь тысяч рублей и десять тысяч червонцев. Чтобы лучше изучить степь и устроить укрепления для продовольственных запасов, Перовский посылает летом 1839 года съемочную партию в сопровождении сильного конвоя. Укреплений было построено два: одно на реке Эмбе на расстоянии в 500 верст от Оренбурга, а второе вблизи озера Чучка-Куль, недалеко от Эмбы.

Перовский приказывает отряду выступить из Оренбурга в середине ноября 1839 года. Мнение многих офицеров, что зимний поход обрекает отряд на явную гибель, губернатор проигнорировал. Он поддержал генерал-майора Станислава Циолковского (двоюродного деда будущего ученого К.Э. Циолковского), который единственный предложил предпринять поход зимой (но никак не летом), приведя многочисленные аргументы, доказывавшие его правоту.

В отряд, состоявший почти из пяти тысяч человек и разделенный на четыре колонны, вошли батальоны Оренбургской линии, оренбургские и уральские казаки, дивизион конного Уфимского полка и казачья артиллерия. Командиром первой колонны был назначен генерал-майор Циолковский, известный своей озлобленностью и крайней жестокостью. Офицеры считали его «злым гением» похода и были совершенно уверены в том, что экспедиция изначально была обречена на провал. При последней колонне не находились штаб, двенадцать военных топографов, госпиталь и церковь. Один из топографов, двадцатилетний офицер Георгий Зеленин, будет вести личный дневник, который со временем станет своеобразной летописью этой несчастной, обреченной экспедиции.

В каждой колонне шло по три тысячи верблюдов, нагруженных снаряжением и продовольствием. «Одного бульону более двухсот пудов было, — писал Зеленин, — несмотря на то, что было взято множество колотых баранов и живого скота». Поставкой для отряда занимался оренбургский купец Зайчиков. Он драл неимоверные цены и, пользуясь подготовительной суетой, сбывал товар самого низкого качества.

Выступление колонн из Оренбурга началось 15 ноября 1839 года. В помощь кайсакам для навьючивания верблюдов были даны солдаты, не умевшие этого делать. Колонны двигались черепашьим шагом – десять верст в переход, так как приходилось часто останавливаться из-за верблюдов, спины которых от неумелой кладки были растерты в кровь. Двадцатого ноября пошел сильный снег, а через неделю задули бураны при 27 градусах мороза. «Тут уж и начались бедствия и прежде всего появилось много обмороженных солдат-часовых, — писал Зеленин. – Лошади срывались с коновязи и пропадали в степи. Верблюды проваливались в глубокий снег и их оставляли в степи. Ехавшие в арьергарде казаки снимали с верблюдов тюки, забирали из них овес, сухари и спирт, муку высыпали в снег, а кули брали на топливо, в котором отряд сильно нуждался...»

19 декабря отряд дошел до укрепления на Эмбе. Больных поместили в теплый лазарет, а солдат – в землянки. Как лакомство все воспринимали хлеб, который пекли в укреплении. Через две недели Перовский решился идти дальше – до укрепления на реке Чучка-Куль. Но перед каждым выступлением отряд будто кто-то тормозил, создавая напряженную ситуацию. И в этот раз случился очередной неприятный инцидент.

В одну из ночей несколько кайсаков-проводников сбежали, прихватив с собой тридцать верблюдов. Перовский приказал собрать оставшихся проводников и напомнил, что за работу им было хорошо заплачено еще перед походом, а что он будет трудным — так они это знали и шли с отрядом добровольно. Сейчас же, в случае отказа идти дальше, они будут расстреляны. Но проводники не желали сопровождать отряд дальше, считая, видимо, обещание расстрела пустой угрозой. Лишь после того как одного за другим расстреляли трех человек, кайсаки запросили пощады. Во время этой стоянки Циолковский был отстранен от командования 1-ой колонной, так как сведения о его жестоком обращении с людьми дошли до Перовского. В довершение к этим неприятностям пришло донесение, что двухтысячный отряд хивинцев пытается захватить укрепление Чучка-Куль и каждый день совершает на него нападения. Перовский немедленно посылает туда отряд поручика Ерофеева. «Хивинцы, следившие за отрядом, решили задавить русских своим количеством, — писал Зеленин. – Совершив первое нападение, они захватили в плен одного солдата и угнали несколько десятков верблюдов. Это нападение отряд отбил, но хивинцы не успокоились. Отряд Ерофеева сделал невозможное: ружейным огнем и в рукопашном бою, закалывая нападавших штыками, они отогнали их, но не сумели освободить пленного солдата. Позже мы узнали, что русский пленник был хивинцами изжарен».

Отряду для дальнейшего продвижения не хватало двух тысяч верблюдов. Перовский из похода посылает в Оренбург председателю пограничной комиссии Г.Ф. Генсу приказ: отправить в степь чиновника особых поручений корнета Мухамеда Шарафа Аитова, известного кайсакам под именем Кара-Толмач. Но корнету удалось собрать лишь пятьсот шестьдесят верблюдов и девяносто возчиков. По пути в Чучка-Куль возчики напали на Аитова, жестоко избили его, содрали одежду и, прикрыв грязными лохмотьями, посадили на верблюда, крепко привязав к нему. Корнета можно было выгодно продать в Хиве! В одном из аулов за Кара-Толмача вступился один из проводников: он развязал пленника и дал ему лошадь. В следующем ауле хивинский чиновник допросил корнета и, узнав, что тот сотоит на службе у Перовского, сам решил доставить пленника к хану.

В конце февраля 1840 года Кара-Толмача привезли в Хиву, и весь город сбежался посмотреть на него. Ханские вельможи устроили корнету длительный допрос, пытаясь выяснить, для чего идет в Хиву русский отряд. Хан задал лишь один вопрос: вышел ли отряд из Оренбурга?

Несколько месяцев продержали Аитова в одной из самых мрачных комнат дворца, ежедневно допрашивая. Ханских вельмож беспокоил вопрос: потребует ли русское правительство удовлетворение за князя Бековича-Черкасского? Во время хивинской экспедиции князя в 1717 году с него, посланника Петра I, с живого содрали кожу, а весь отряд перерезали. Хан был уверен, что грозный и немилосердный к врагам Перовский идет в Хиву, чтобы мстить. Пленника по приказу хана перестали допрашивать и стали просить быть посредником в поддержании мира с Россией и в освобождении задержанных в Оренбурге хивинских купцов, обещая, в свою очередь, отпустить более пятисот пленников.

В конце мая 1840 года Кара-Толмач получил полную свободу и подарок от хана – нож с ручкой из слоновой кости, дающий право входа к хану без доклада, и изумительной работы серебряные ножны. По приказу хана корнету выдали немалые деньги на наем лошади, проводника и на довольствие в пути. Вскоре прибыли в Оренбург и освобожденные пленники, а хивинских купцов отпустили на родину. Аитов был произведен в поручики от кавалерии и получил в награду тысячу рублей.

А пока Кара-Толмач находился в плену, отряд Перовского был на пути к урочищу Чучка-Куль. «Опять начались страшные бедствия, — писал Зеленин. – Верблюды падали десятками, лошади сбивали ноги, приминая снег и облегчая тем самым верблюдам путь. Добрались до урочища лишь в феврале 1840 года. Здесь ясно все увидели, что продолжать путь дальше немыслимо». Проклинали Циолковского и купца Зайчикова, не без основания считая их главными виновниками всех бед.

15 февраля 1840 года Перовский писал в Оренбург полковнику Н.В. Балкашину: «Ужасные дни и ночи провел я, прежде чем решился выговорить слово «отступление». Можно мне было предугадать такой несчастный конец экспедиции. Я перенес удар душевный, какой вряд ли кто-либо испытал. Если я не дошел до Хивы, то с помощью Бога надеюсь довести отряд обратно. Здравый рассудок, моя совесть и долг в равной степени требуют возвращения. Я предвижу неизбежные глупые петербургские толки и решил принимать их не к сердцу, а гораздо ниже...

...Хула, осуждение – все разразится над одной моею головою, — оно так и быть должно. Мое место здесь, пока есть сомнение, как возвратится отряд... Я затащил с собою в степь много людей, которых без себя на лишний месяц оставить совестно...»

Завершив поход, Перовский отправляется в Петербург с докладом к Николаю I. Но ровно месяц военный министр граф Чернышев не вызывал его для представления Государю: так он мстил за то, что Перовский лично, минуя его, испросил у Николая I разрешения на начало похода. Через месяц Перовский получил приглашение явиться на смотр генералов. Для него, генерал-адъютанта, это было унижение: этим приглашением военный министр приравнивал его к ординарцам. Перовский явился на смотр в казачьем атаманском мундире и намеренно не встал в генеральский строй. Войдя в зал, Николай I сразу же обратил на него внимание, но не узнал. Услышав от графа Чернышева, что это Перовский, и в Петербурге он уже месяц, Государь пришел в ярость. Прервав графа на полуслове, он «в величайшем гневе высказал ему за промедление доклада» и приказал Перовскому следовать за ним во дворец.

Неудачный поход все же сыграл положительную роль в отношениях с Хивой. Хан запретил своим подданным «грабить и ловить русских» и был готов выполнить все требования русского правительства, которые до этого игнорировал. Перовский получил чин генерал-лейтенанта и награду – двадцать тысяч рублей. Но, несмотря на Высочайшую милость, оставался непреклонен в оценке своих личных просчетов при подготовке к походу: «Позор – мне, а слава – моим солдатам!»

В августе 1840 года в Оренбурге торжественно встречали четыреста шестнадцать пленников, отпущенных из Хивы, после молебна в соборе им устроили обед в центре города, на площади конного манежа *(ныне на этом месте находится драматический театр. – **Н.Р.**)*.

За время похода погибло одиннадцать офицеров и более трех тысяч нижних чинов. Все участники похода, оставшиеся в живых, получили награды: кто чин, кто орден, кто приличную сумму денег. Генерал-майор С. Циолковский был награжден орденом Анны 1-ой степени. Через неделю после награждения его уволили в отставку, а еще через две недели Циолковский был убит своим крепостным. Живя после отставки в своем имении, он принялся истязать крепостных, вымещая на них ярость. Теплым августовским вечером отставной генерал-майор сидел у открытого окна в своем кабинете и читал книгу. Крепостной повар метко стрелял: пуля попала барину в висок...

А вскоре в Оренбургской губернской палате судили купца Зайчикова, нажившего огромный капитал на хивинском походе. Судили купца за продажу людей в рабство в Хиву.

Приказчики купца (каждый раз разные) нанимали в уездах губернии людей для полевых работ, выдавая крупные денежные задатки. В заранее оговоренную с купцом ночь степные разбойники окружали сарай, где спали работники, связывали их и гнали, как скот, в Хиву.

Приказчики, которых находили связанными, сваливали всю вину на хищников-степняков. Зайчикова и его старшего приказчика Филатова приговорили к бессрочной каторге. Главными свидетелями обвинения выступили многие из пленников, вернувшихся из Хивы.

Следуя на каторгу, купец обменялся именем с одним из ссыльных, приговоренных к нескольким годам жительства в Сибири. Отбыв небольшой срок, Зайчиков (теперь уже Деев) вернулся в Оренбург. Но, как говорили люди, совесть не давала купцам Деевым покоя, и они, замаливая грехи своего рода, построили церковь, богадельню, жертвовали большие деньги на благотворительность... О купцах Деевых и их капиталах в Оренбурге ходили легенды...